

Посвящается всем, кто поддержал меня, когда я пошатнулась, и всем, кто и теперь меня поддерживает.

Ева Габриэльссон

ПРЕДИСЛОВИЕ

Цикл «Миллениум» окружен загадками, и в нем самом хватает тайн. На манер Платоновой пещеры* детективы Стига Ларссона наводят на мысль о скрытых пластах реальности, которые проступают один за другим, заманивая в пропасть. Трилогия богата знаками. Некоторые из них указывают на те или иные факты окружающей действительности, в других же отражена связь автора с Евой Габриэльссон, которая была его подругой тридцать с лишним лет. В них отпечаталась вся жизнь этой пары, где находилось место многому: научной фантастике, Библии, борьбе против правого экстремизма, скандинавской мифологии, шпионажу...

* Афинский философ Платон (427–347 до н. э.) создал рациональное идеалистическое учение, согласно которому материальный мир, окружающий нас, вторичен и является лишь тенью божественного «мира идей». Для иллюстрации своего учения Платон использовал аналогию: люди представлены узниками пещеры, способными видеть лишь тени предметов на стенах своей темницы. (*Прим. ред.*)

У Евы Габриэльссон взгляд особый, и «Милле-ниум», прочитанный ее глазами, — это не просто серия полицейских романов, известных во всем мире. Это прежде всего рассказ о вечной борьбе личности за мораль и справедливость, за те ценности, что всю жизнь защищал Стиг Ларссон. Для нее эти книги — зеркало судьбы: и отражение разделенной любви, и воплощение трагических моментов пережитого. Самым тяжелым испытанием для нее стала внезапная смерть Стига. В пятьдесят лет его свалил сердечный приступ; перед этим он только что сдал рукописи издателю, но так и не успел насладиться грандиозным успехом своей трилогии. Остальные беды подруги Стига породила людская корысть. В Швеции гражданский брак не дает прав наследования, и после смерти спутника жизни Еве не досталось ничего. Вышло так, что даже собственное жилье принадлежало ей лишь наполовину и какое-то время она боялась подойти к дверям их маленькой квартиры. Кроме того, ее очень угнетало разрастание «индустрии Стига Ларссона», которой занимались люди, абсолютно для него посторонние и чуждые по духу. Как грибы появлялись телесериалы, фильмы, книги лжедрузей, поднималась шумиха... И постепенно Стиг Ларссон — воитель, феминист, журналист, блистательный самоучка с огромной эрудицией — оказался низведен до уровня сочинителя полицейских романов.

Вся жизнь Стига, от начала до конца, сама была словно роман, и Ева — главная героиня этой со-

кровенной саги. Теперь она решилась доверить нам ключи от своих тайн. Верная подруга Стига, такая же идеалистка, как он сам, она не терпит компромиссов, и об этом знают все, кто с ней знаком. Друзья могут рассчитывать на нее так же, как могли рассчитывать на ее спутника, и в жизни, и в смерти. Остальные же заплутали на дороге предательства, как говорил Стиг.

Сегодня Ева борется за обладание правами на интеллектуальную собственность своего покойного друга. Она делает это ради него, ведь больше всего на свете ему была ненавистна мысль о том, что его цикл «Миллениум», статьи против расизма, книги о правом экстремизме и работы о молодежи станут предметом наживы. Если суд примет ее заявление, она приоткроет завесу тайны над четвертым томом, за рождением которого наблюдала изнутри, как и за созданием предыдущих трех. Это дает поклонникам цикла надежду на новую встречу с его героями. И пусть трепещут недруги Лисбет Саландер и Микаэля Блумквиста. Книга выйдет под названием «Божье возмездие». Пусть они знают, что Ева, неподражаемая исполнительница сальсы* перед Предвечным, уже вот-вот покончит с начертанием их судеб и спляшет на их трупах.

Мари Франсуаза Коломбани

* Сальса — латиноамериканский танец, популярен во всех европейских клубах, очень эмоционален и достаточно несложен по движению. (*Прим. перев.*)

ПРО КОФЕ

Меня часто спрашивают, действительно ли шведы пьют так много кофе, как персонажи «Миллениума». Действительно пьют. И по его потреблению Швеция — вторая в мире страна после Финляндии. Если бы у Стига Ларссона и Микаэля Блумквиста не было других точек соприкосновения, такой точкой, несомненно, стало бы впечатляющее количество выпитых за день чашек кофе.

Мы со Стигом оба любили кофе с самого детства. Бабушка Стига, не таясь, поила его кофейком лет с пяти, когда детям, в общем-то, положено пить молоко. Моя бабушка делала то же самое, но украдкой, если мама была дома.

Кофе был для нас обоих замечательным средством от всех невзгод, больших и маленьких, символом единения, общительности и гостеприимства. Без него не обходилось ни одной счастливой минуты, и он всегда сопровождал наши долгие беседы вдвоем или с друзьями. Думаю, за нашу

тридцатидвухлетнюю совместную жизнь мы принесли кофейной индустрии немалый доход! Перепробовав множество способов приготовления кофе, все обычно возвращаются к турецкому, и у нас тоже кофейник с огня не снимался.

Нынче я себе кофе не готовлю. Как-то дико варить только полкофейника. Пустая половина означает, что никогда уже Стиг не взглянет на меня искрящимися от любопытства глазами поверх своей чашки. Такие глаза бывают у ребенка, когда он распаковывает подарок. И никогда уже я не услышу: «Ну, рассказывай. Что сегодня делала? Что новенького?»

В «Миллениуме» нередко бывает, что Лисбет Саландер обрывает разговор с Микаэлем Блумквистом фразой: «Мне надо над этим подумать». В первый раз прочтя ее, я прыснула со смеху. Если у нас со Стигом случались серьезные разногласия и мы оказывались в тупике, потому что я не желала принять его идею, дело всегда кончалось тем, что я говорила именно эти слова. Они означали, что сейчас самое время сменить тему, успокоиться, переключиться на что-нибудь другое. В этот момент один из нас обязательно поднимался и шел варить кофе — и мы снова становились друзьями.

Теперь я дома кофе не пью. Перешла на чай.

Мне не очень-то хотелось писать эту книгу — про Стига, про нашу жизнь и про мою жизнь без него.

Его отнял у меня сердечный приступ, случившийся 9 ноября 2004 года. Для меня этот день проклят, но для многих других с него началась карьера. 9 ноября 1938 года нацисты устроили Хрустальную ночь*, взяв курс на истребление своих сограждан-евреев и сделав еще один шаг на пути к «окончательному решению», как они называли свой план ликвидации евреев и цыган. Стиг не забывал об этой дате: устраивал симпозиумы и семинары, посвященные Хрустальной ночи, и вечером 9 ноября 2004 года в помещении АБФ** тоже была назначена конференция.

В момент его смерти меня не было рядом: дела вынудили меня в этот день уехать в лен*** Далек-карлия. Если бы я была рядом, изменилось бы что-то? Наверное, я никогда этого не узнаю, но очень хочется думать, что да. Ведь если мы были вместе, это сказывалось на каждом мгновении нашей жизни.

Как успешный автор детективных романов Стиг стал известен миру в июле 2005 года, с выходом первого тома трилогии. Потом были филь-

* Хрустальная ночь (Ночь разбитых витрин) (*нем.* Kristallnacht) — первая массовая акция прямого физического насилия по отношению к евреям на территории Третьего рейха, произошедшая в ночь с 9 на 10 ноября 1938 года. (*Прим. ред.*)

** АБФ (*шв.* Arbetarnas bildningsförbund, ABF) — крупнейшее образовательно-просветительское объединение Швеции, включающее 57 членов-организаций. Занимается в основном политическим народным просвещением. (*Прим. ред.*)

*** Лен — административно-территориальная единица в Швеции. (*Прим. перев.*)

мы и телеверсии. И все-таки «Миллениум» — всего лишь эпизод его биографии, но уж никак не дело жизни. Тот Стиг, которого произвела на свет «индустрия “Миллениума”», меня не интересует. Моему сердцу мил другой Стиг: мой спутник по жизни и союзник во всем, тот, кого я глубоко люблю и с кем была рядом тридцать два года. Нежный, увлекающийся, щедрый чудак... Журналист, феминист, воитель, моя любовь на всю жизнь.

Потеряв его, я утратила огромную часть самой себя.

Этот Стиг появился на свет 15 августа 1954-го...

ЮНОСТЬ

В первом томе цикла «Миллениум», который называется «Девушка с татуировкой дракона», Микаэль Блумквист обнаруживает снимок, сделанный в день исчезновения Харриет Вангер, во время карнавального шествия, устроенного на детском празднике в городке Хедестад. Пытаясь разобраться в событиях этого дня и понять, что же могло так напугать девушку, он отправляется на встречу с супружеской парой, которая сорок лет назад во время туристической поездки и сфотографировала эту сцену. Расследование приводит его на север Швеции, сначала в Нуршё, потом в Бьюрселе, в лен Вестерботтен. Такой выбор может показаться странным, поскольку об этих Богом забытых местах не всегда знают и сами шведы. А вот Стигу они были хорошо известны. В 1955 году, совсем еще маленьким ребенком, его привезли туда к дедуш-

ке и бабушке по материнской линии. Его родители, Эрланд Ларссон и Вивианне Бострём, еще слишком молодые и не готовые к такой ответственности, вскоре перебрались жить на тысячу километров южнее. В 1957-м они снова снялись с места и переехали в Умео, городок в двухстах километрах от Нуршё.

Упомянуть эти места для Стига означало отдать дань уважения тесному кругу людей, с которыми он прожил лучшие моменты детства, и отблагодарить их за привитую ему систему ценностей.

С дедом и бабушкой Стиг обитал тогда в маленьком доме, окруженном лесами. Кроме кухни в избушке имелась всего одна комната, и не было ни воды, ни электричества, ни туалета. Для шведской деревни обычны такие дома, нечто вроде семейных ферм. Когда-то в них поселялись старики, передав молодому поколению ведение хозяйства. Стены в доме бабушки и деда были засыпные, и пространство между досками заполнялось, скорее всего, опилками, как часто делали в то время. Отапливалось жильё при помощи дровяной плиты, на которой бабушка и готовила. Зимой температура на улице опускалась до 37 градусов мороза, а световой день длился не дольше получаса. Стиг бегал в деревенскую школу на лыжах, при свете луны. Со свойственным ему от природы лю-

бопытством он неустанно обследовал леса, озера и дороги, где ему встречались и люди, и животные. Выживание в таких трудных условиях требовало немалой изобретательности, зато в результате получались личности независимые, находчивые, щедрые и отзывчивые. Как Стиг.

Он рассказывал, что его дед Северин был коммунистом-антифашистом, и во время Второй мировой войны его поместили в трудовой лагерь для лиц, представлявших угрозу национальной безопасности. После войны общество приняло бывших заключенных в штыки. Этот эпизод в истории Швеции в те времена замалчивали, замалчивают и сейчас. В 1955 году Северин уволился с завода и поселился с женой и маленьким Стигом в лесной избушке. Чтобы прокормить семью, он чинил велосипеды, моторы и выполнял разную мелкую работу у местных фермеров. Стиг обожал ходить с дедом на охоту и рыбалку. В начале книги «Девушка с татуировкой дракона» Микаэль Блумквист принимает предложение Хенрика Вангера, двоюродного деда Харриет Вангер, и поселяется в «гостевом домике» неподалеку от Хедестада. Действие происходит в разгар зимы, и на внутренней стороне оконных стекол расцветают ледяные розы. Именно такими розами зачарованно любовался Стиг в доме бабушки и деда. Они выросли на окнах от теплого дыхания и пара от

кастрюль, постоянно кипевших на плите. Он никогда не забывал ни этого волшебного зрелища, ни мороза, рисовавшего узоры на окнах. Детство ему досталось трудное, зато счастливое и полное радости и любви.

Маленький мальчик улыбается нам с черно-белой фотографии, а по бокам стоят двое взрослых, и им явно смешно, что они так вырядились для снимка. Они научили его верить, что в жизни нет ничего невозможного, и презирать колебания денежных курсов. У деда был старый «форд-англия», мотор которого он, талантливый механик и мастер на все руки, отладил сам. Несомненно, это и есть тот «форд» с вестерботтенским номером, который разыскивает Микаэль, в надежде, что автомобиль наведет его на след Харриет Вангер. И еще множество деталей, упомянутых в трилогии «Миллениум», Стиг почерпнул из своей, моей и нашей совместной жизни.

В декабре 1962 года Северин Бострём скоропостижно умер от сердечного приступа, в возрасте пятидесяти шести лет — как и его дочь, мать Стига. Бабушка еще шесть месяцев оставалась с внуком, а потом, не имея больше возможности жить в отдаленном лесном домике с ребенком, уехала в окрестности Шеллефтео, в том же лене Вестерботтен. До самой ее смерти в 1968 году Стиг приезжал к бабушке каждое лето.

Счастливым и беззаботным мир Стига разрушился в одночасье. На девятом году жизни он оказался в Умео у родителей. В 1958 году Эрланд и Вивианне поженились, и на свет появился младший брат Стига, Иоаким. Своих ближайших родственников Стиг почти не знал. Впоследствии он много рассказывал о бабушке с дедом и очень мало — о родителях. Однако один из близких друзей деда и бабушки поведал мне, что Вивианне часто навещала сына, когда он был совсем маленьким.

Осенью 1963 года Стиг пошел в школу, и жизнь его полностью изменилась. Городская среда была ему чужда, даже враждебна. Прежде он жил в сельском доме, на вольном воздухе, пользуясь полной свободой, а теперь его вселили в тесную квартиру в самом центре города. Переход с земли на асфальт он перенес очень болезненно. С бабушкой и дедом он мог общаться постоянно, а родители целыми днями пропадали на работе. Ритм его жизни стал более насыщенным, зажатым в тесные рамки расписания.

Первоначально имя Стига состояло всего из четырех букв, и я точно не знаю, когда появилась пятая*. При мне она уже всегда была. Легенда гла-

* Имеется в виду тот факт, что Стиг Ларссон изменил написание своего имени со Stig на Stieg, что не влияло на произношение. (Прим. ред.)

сит, что в Умео проживал еще один Стиг Ларссон, их вечно путали, и дело кончилось тем, что они кинули жребий, кому менять имя. Я же знаю другую версию: Стиг решил внести изменения в написание имени после того, как библиотека завалила его письмами с требованием вернуть книги, которые задолжал его тезка. Меня всегда очень забавляет, когда я слышу от посторонних людей анекдоты о Стиге. Будто те, кто их рассказывает, сами при сем присутствовали или он с ними поделился. В действительности детали того или иного случая могла знать только я, и рассказчик, по существу, взял их из моих интервью.

В семнадцать лет Стиг поселился отдельно от родителей — в маленькой квартире-студии в полуподвале того же дома, где обитала семья. Я не знаю, чем он занимался в этот период жизни, знаю только, что счастлив он не был. Казалось, тогда Стиг махнул рукой на себя и свое здоровье, словно все это не имело никакого значения — ни для него самого, ни для других.

Единственное, что было для него важно в самом себе, — строительный материал для образа Микаэля Блумквиста, который тоже мало занимался спортом, ел что попало, курил и, как я уже говорила, в огромном количестве пил кофе. Все это, вкуче с постоянными стрессами, в итоге и стало причиной преждевременной смерти Стига.

С 1972 года, когда мы с ним познакомились, Стиг только один раз вернулся в дом, где провел детство. Это произошло осенью 1996 года.

Мы с братом и сестрой совместно владеем семью гектарами земли в лене Вестерботтен, где расположены Нуршё и Бьюрселе. Эта земля, частично покрытая лесами, принадлежала нескольким поколениям нашей семьи. В девяностые годы мы со Стигом предприняли две попытки расчистить подлесок, что входило в обязанности землевладельцев. Во время второй попытки, в 1996 году, мы провели немало трудных дней, вкалывая в лесу в компании змей и слепней, но были рады сменить сидение в офисе на физическую нагрузку. Нашим соседям в Эннесмарке хотелось побольше узнать о детстве Стига, и, закончив работу, мы отправились к домику бабушки и дедушки.

На дверях висел замок. Стиг прижался лицом к оконному стеклу. В доме ничего не изменилось.

— Все в точности так, как было тогда! — восклицал он. — Смотри, я спал вон там, вместе с дедом. И плита та же самая! Я помню, что по утрам, когда она была еще холодная, мы замерзали.

Он обследовал каждый метр вокруг дома, каждое дерево и камень. От нахлынувших воспоминаний он до того разволновался, что меня это потрясло: я никогда его таким не видела. У него даже голос изменился: стал глубоким и низким, потеплел.

Он говорил очень тихо, почти шептал. Мы засыпали его вопросами, и он выдавал одну историю за другой. Когда настала пора уезжать, он все повторял:

— Ну, еще минуточку, еще чуть-чуть...

Ему было не оторваться от этих мест. Однако время шло уже к ночи, и он посмотрел на меня умоляюще:

— Ева, давай не будем продавать дом, а?

— Милый, он в тысяче километров от Стокгольма. Это слишком далеко, и мы не сможем часто сюда приезжать. И потом, у нас нет ни денег, ни времени, чтобы содержать его в порядке, и в конце концов он развалится.

Тогда он еле слышно сказал с глубокой грустью:

— Но это все, что у меня есть...

На него накатила прежняя тоска, словно теперь, как тридцать лет назад, в детстве, его заново отрывали от родных корней. Мы долго молчали, и каждый думал о своем. Потом он сказал, словно смирившись:

— Да, это невозможно.

И мы уехали, но на сердце было тяжело.

Я сделала много снимков этого домика и подарила их Стигу, сотворив из них что-то вроде фотомонтажа. Он был ужасно доволен и повесил мое произведение над нашей кроватью.

Мы часто говорили об этой поездке, как о некоем волшебном приключении. Летом 2004 года,

когда Стиг закончил третий том «Миллениума», мы строили множество планов и в том числе собирались соорудить на острове «наше маленькое шале». Каждый нарисовал, каким он видит будущее обиталище, и мы сравнивали рисунки, сидя рядышком и потягивая кофе. Я часто разглядывала фотографии деревянного домика и хотела сделать Стигу сюрприз, спроектировав такой же вход и синие-белые двери.

НАШИ МАТЕРИ

Мне не раз указывали на то, что, кроме сестры Микаэля, в «Миллениуме» нет ни одного настоящего классического образа матери, как нет и описания ни одной классической семьи. Мать Лисбет Саландер не смогла защитить дочь, когда та была маленькой. Она смирилась с жестоким обращением своего сожителя, тем самым открывая путь трагическим событиям. В результате побоев у нее возникло нарушение мозговой деятельности, что привело к смерти еще в сравнительно молодом возрасте. Что же касается женщин из семьи Вангер, то все они были никудышными матерями. К примеру, Изабелла Вангер, мать Харриет и Мартина, прекрасно знала, что ее муж насиловал обоих детей, а потом Мартин, в свою очередь, собственную сестру, но ее это не заботило. В лучшем же случае женщины в романе равнодушны к детям или вовсе их не имеют, как Эрика Бергер.

Если вдуматься, то все это не случайно. Мы со Стигом росли без матерей, нас воспитывали дедушки и бабушки. Но никакая самая нежная бабушка не заменит мать.

Еще одним следствием тесного общения со старшим поколением стало то, что мы выросли, словно в XIX веке, в эпоху, которой мало коснулась эволюция нравов. Нам привили моральные ценности далекого прошлого, со всей их строгостью и ограничениями, а подчас и тяготами. Для нас не деньги и не успех составляли репутацию человека, а честность и умение держать слово. И эти правила не нарушались.

Мы со Стигом во многом походили друг на друга образом мыслей и восприятием. Это нас забавляло, но не удивляло: ведь у нас были общие корни.

Я родилась 17 ноября 1953 года в Лёвонгере, в ста километрах к северу от Умео, и была старшей из троих детей, появившихся на свет с промежутком чуть больше года. Когда мне исполнилось семь, родители развелись, и мы остались с отцом, бабушкой и дедушкой на их семейной ферме. Отец не хотел заниматься хозяйством. Учебу он бросил в тринадцать лет, но все-таки сумел стать журналистом и работал в ежедневной местной газете. Мои родители поженились по любви и, живи они в городе, наверное, остались бы вместе на всю жизнь. Гудрун, моя мать, окончила технический лицей и до замужества работала секретаршей на металлургическом заводе. Когда-то бабушка на-

деялась, что невестка поможет на ферме, но быстро поняла, что та не приспособлена к сельской жизни. Высокие каблуки и губная помада не вязались с образом крестьянки, да и казались бабушке совершенно лишними. А в моих глазах мама всегда была такой милой и живой... Развод родителей проходил очень тяжело, и наши семьи разошлись. Отец добился, чтобы мы остались с ним, что было в те времена большой редкостью. Ему помогло то, что он имел работу, жилье и возможность поручить детей, то есть нас, заботам своих родителей. Я думаю, не последнюю роль здесь сыграли и принадлежность отца к либеральной партии, и знакомство со многими влиятельными людьми лена.

Мама уехала в Стокгольм и вскоре выучилась на медсестру. За тридцать один год я виделась с ней не более шести раз. Замуж она больше не вышла и умерла от рака в декабре 1992 года, как раз на Рождество. Отец умер в 1977 году. Бабушка с отцовской стороны, женщина добрая и справедливая, считала, что отец сделал не лучший выбор, женившись на маме, но вряд ли ей пришло бы в голову запретить нам с ней видеться. А у мамы, видимо, возник некий душевный разлад. Она, несомненно, была натурой чувствительной и психологически неустойчивой. От разлуки с детьми она очень страдала, но из-за большого расстояния и нехватки средств оказалась совершенно от нас оторвана. Потеряв ее, мы окончательно потеряли и всю материнскую половину нашей семьи.

И как и Стиг, когда его в детстве разлучили с бабушкой и дедушкой, я почувствовала себя совсем брошенной.

Когда Стиг познакомился с моей бабушкой, они сразу понравились друг другу. Она говорила, что он славный парень, а он называл ее фантастической женщиной. Надо сказать, она была с характером. Уродилась в отца, моряка, который за двадцать с лишним лет обошел все на свете моря, а потом женился на любимой девушке и сделался фермером. У бабушки была такая присказка: «Я бы хорошенько подумала». Когда она так говорила, мы понимали, что надо дважды взвесить, прежде чем за что-нибудь браться. Эта короткая фраза означала: «Можешь делать как хочешь, но отвечать будешь сам».

Когда я встретила со Стигом, его мать, Вивианне, стала второй матерью и для меня. Она была очень сильной женщиной и сама заправляла семьей, как и моя бабушка. Я восхищалась Вивианне. Заведя магазином готового платья и много работая, она постоянно стремилась изменить общество к лучшему и в конце концов, к удивлению местной политической элиты, стала депутатом муниципального совета от партии социал-демократов. Всем, кто заходил к ней в магазин, она со смехом объясняла:

— Ничего удивительного, ведь меня знает весь город!

А когда позже она вошла в комиссию по общественному благоустройству, у нас с ней появилась еще одна точка соприкосновения: ведь я была архитектором.

Стиг многое унаследовал от Вивианне, включая и активную жизненную позицию. Он был очень к ней привязан, но не столько как к матери, сколько как к близкому другу. К остальным родственникам он относился гораздо прохладнее.

Поселившись в 1977 году в Стокгольме, мы уже не могли часто ездить за тысячу километров в Умео. Родители Стига несколько раз предоставляли нам на лето свой дачный домик в Эннесмарке, недалеко от моего родного города. По удивительному стечению обстоятельств этот дом строил брат моего деда. В 80-е годы мы несколько раз встречали Рождество в Умео с родителями Стига, но по большей части и Рождество, и Пасху, и Иванов день проводили с моей семьей. Потом Вивианне заболела раком груди. В августе 1991 года, после возвращения из больницы, у нее произошел разрыв аневризмы. Мы прилетели сразу же. Она не приходила в сознание, но мы долго побыли возле нее: я держала ее за руку и тихонько рассказывала о Стиге, о наших планах, о наших бедах — будто вела обычную беседу. Я чувствовала, что она меня слышит. На следующий день Вивианне умерла, но все-таки она нас дождалась. Как и моя мать, которая шестью месяцами позже изумляла медперсонал хосписа, куда ее поместили,

отчаянной борьбой с раком легких, кстати возникшим после рака груди. В конце августа 1992 года мы с братом приехали к ней. Она сидела на балконе, завернувшись в плед, курила и кашляла. Сестра в то время жила в Лондоне и приехать не могла, но мама настояла. И умерла только в конце декабря, когда все ее дети собрались вокруг нее. Так обе наши матери сами определили себе момент расставания с жизнью.

А вот Стиг — нет, он ушел внезапно.

В 1991 году мы купили квартиру в Сёдермальме и с тех пор стали проводить праздники в Стокгольме, с моим отцом и сестрой. Иногда к нам приезжал отец Стига Эрланд со своей новой подругой Гун. По заведенному обычаю мы вместе пили кофе или обедали где-нибудь в городе. Эрланд настаивал, чтобы Стиг приехал навестить брата: ведь мы ездили на север лишь ненадолго, чтобы заняться нашими лесными угодьями. Но между собой братья почти не общались: мы не присутствовали ни на свадьбе Иоакима, ни на днях рождения членов его семьи. От обсуждения этой темы с Эрландом Стиг уклонялся, ссылаясь на недостаток времени. Но я помню, что мы все же несколько раз во время визитов в Умео пили кофе вместе с Иоакимом и его семейством, чтобы сделать приятное Эрланду. У нас дома Иоаким демонстративно не показывался, хотя и утверждал потом, что был в очень близких отношениях

со Стигом. За тридцать лет он появился у нас дважды: в первый раз в конце семидесятых годов, а во второй — когда умер Стиг. Зато с моими братом и сестрой мы всегда тесно общались. Для меня они были единственной семьей, ведь отца и бабушку с дедом я потеряла, а с матерью связь оборвалась. Стиг же почти не ощущал родственной близости со своим семейством.